

СЕРЕБРЯНЫЕ
РОГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МАЛЫШ
МОСКВА • 1966

ЯКУТСКИЕ СКАЗКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • МАЛЫШ • МОСКВА • 1966

ЗАЙЧИШКА-ТРУСИШКА

ПРИЗАДУМАЛСЯ зайчишка:

—Всех-то я пугаюсь. Даже крошечной птички-рогатки. Даже мышки-полевушки. Нет, уж лучше умереть, чем всю жизнь дрожать под кусточком...

И поскакал косой к озеру топиться. Вот скачет он, слёзы лапкой смахивает. Вдруг впереди себя видит лягушку-квакушку. Задрожали ушки у нашего трусишки, однако расхрабрился—скачет прямо навстречу: чего теперь, пропадать так пропадать!

А лягушка от ужаса глаза выкатила и прыг да скок, квак да квак:

—Ах-ах, страшно-то как!.. Заяц проглотить меня хочет! Ква-ак!..—и бултых в воду.

Зайчишка от удивления присел, голову на бок свесил.

—Не-ет, коли так, торопиться не стану. Оказывается, и меня кое-кто боится!—и обратно в лес повернул.

КАК БЕЛКА И ЗАЯЦ ДРУГ ДРУГА НЕ УЗНАЛИ

БЕЛКА и заяц как-то познакомились летом и подружились. Потом наступила зима. Выпал снег, и кругом стало белым-бело. Белка приладила себе гнездо высоко на дереве. А заяц под валежником угнездился.

Вот поглядывает белка из гнезда на своего друга и не узнаёт: был серый, а стал белый, как снег. „Видимо, другой“, — думает белка. И заяц белку тоже не узнаёт: та была в рыженькой шубёнке, а эта — в дымчато-серой.

И только тогда друзья узнали друг друга, когда снова лето настало и сменило им наряд на старый лад.

ФИЛИН

ТО ещё тогда было, когда птицы водились только в жарких краях. Собрались однажды пернатые на совет. „Здесь-де чересчур жарко, птенцы наши гибнут. Слетай-ка ты,—говорят филину,—поищи, нет ли где попрохладнее места“. И филин прилетел на Север. Очень понравилось ему здесь. Года три пожил и улетел к себе на родину.

—Друзья мои, не нашёл я желанного края,—говорит филин пернатым, когда те пришли встречать его.

Опечалилось, загоревало пернатое племя.

А ночью филин шепчет своей хозяйке:

—Хорошо-то как на Севере—благодать! Но, чур, ни гу-гу: мы сами вдвоём переселимся туда.

Хоть и шёпотом сказал филин, а птичка одна услышала это и рассказала всем. Слетелись птицы. Окружили филина.

—Лгун! Обманщик! Плут!—хором закричали они на все голоса и давай клевать его.—Вот тебе! Вот тебе!

Голова у филина так распухла, что с шеей слилась. Стыдно ему стало показываться при дневном свете. И вот с тех пор он и прячется в глухом лесу; оттуда только ночью вылетает, когда птицы спят.

М

СПОР

МЫШКА и лось заспорили: кто из них первым увидит восход солнца.

—Ростом копушка да и глазёнки узенькие,—смеётся лось.—Неужто ты раньше меня увидишь? Ха-ха-ха-ха!

—На свои долговязые ноги и большие глаза слишком уж не надейся,—отвечает ему мышка.—Дело тут не в величине глаз.

—Ну так что ж, давай поспорим.

И вот стали они восход солнца ждать. Выкатив свои большущие глазищи, лось уставился на восточный склон неба, где всегда солнце всходит. А мышка, наоборот, на запад глядит. Час ждут, другой. Вдруг мышка как запищит:

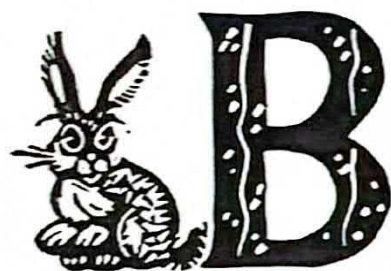
—Ура-а! Вон оно, солнышко! Я первая, я первая увидела!

Лось не верит, однако, оборачивается и видит: и то правда, солнечные лучи озолотили вершину леса на западной стороне.

Мышка поднялась на задние лапки и, приплясывая, радостно завизжала:

—Вот я и победила! Вот и победила! Так и надо тебе, лось: не зазнавайся, что ростом велик да глазами широк,—и, посмеиваясь, юркнула в норку.

ЖЕЛНА И ВЕРТИШЕЙКА

ЗДУМАЛИ лесные птицы предводителя выбрать. Говорит дятел-желна:

—Крепче да острее моего носа нет ни у кого из птиц: мне и быть птичьим предводителем.

—А мой нос и крепче и острее твоего,—заспорил дятел-вертишейка,—значит, мне быть птичьим предводителем!

Спорят желна с вертишейкой: желна себя хвалит, а вертишейка—себя. Спорили, спорили дятлы, а потом вертишейка говорит желне:

—Давай потягаться: кто из нас быстрее взбежит по дереву до самой макушки, тому и быть предводителем.

—Согласна,—кинула головой желна.

Выбрали самое высокое засохшее дерево и одновременно с двух сторон вцепились своими когтями-баграми в ствол. Затем—раз!—и побежали от комля к вершине. В одно и то же время оказались на самой макушке и столкнулись друг с другом. И снова заспорили, а потом и подрались, один другого поранил. Вот с тех пор у дятлов красные перья на голове растут.

А птицы лесные ни желну, ни вертишейку в предводители не выбрали.

—Уж коли между собой не смогли поладить, так где им всеми птицами управлять!

СЕРЕБРЯНЫЕ РОГА

НА дворе холодно-холодно. Дохнёшь—и воздух вылетит со свистом и развернётся белым платочком. И вокруг всё утопает в густом молочном тумане. Где же солнышко? В небе муть, как в недоваренной ухе.

А в избе трещит и бьётся в очаге огонь—будто весело хохочет. В избе и тепло, и светло.

Перед очагом, в кругу своих внучат, сидит старый-престарый дедушка Барылам. Он знает много интересных сказок: хоть всю зиму каждый вечер слушай его, а сказкам не будет конца. Вот и сегодня дедушка рассказал внучатам одну из своих сказок.

—Дедуся, расскажи что-нибудь ещё, и тогда мы пойдём спать,—просит его Ньюку, самый младший из внучат.

—Ну, так и быть, расскажу,—согласился дедушка и, раскурив трубку, начал новую сказку.—Завтра, детки мои, должен отломиться и отпасть один рог у зимы...

—Ну-у!—удивляется Ньюку.—А какие это рога? Разве у зимы бывают рога?

—Бывают, мои родненькие, бывают, да ещё, ух, какие! Тут недалеко, около Ледовитого моря, есть бык-чудовище-морозище.*

—Да ну! Бык? Большой?

—Большущий. С гору будет. Спinoй солнце заслоняет. Рога аж до неба. Одет в доху. А доха у него из нетаю-

*) В якутском фольклоре зима представляется в виде чудовищного рогатого быка.

щего, вечного льда. Глазищи—как промёрзшая прорубь. Ресницы—ледяные сосульки. Как запыхтит этот бык-чудовище-морозище—из рта густой-густой туман изрыгается и всю землю окутывает. А как дохнёт—лютая стужа делается, и пурга несусветная поднимается. На спине у чудовища горб, а в нём—всякая хворь.

—Уф, какой страшный бык!—Ньюку жмётся к дедушке.

—Бык-чудовище-морозище только одного солнца боится. Солнце стреляет в него своими лучами-стрелами, и у чудовища сперва отламывается да отпадает один рог—это бывает в середине февраля,—а затем в марте отламывается и второй рог... Так что весной он совсем комолым* становится, а вслед за тем и рассыпается... И сразу после этого весна в своём красивом наряде идёт, а там, глядишь, и лето красное в гости жалует. Завтра у быка-морозища как раз должен отломиться и отпасть один рог.

—Так ему и надо! Пусть отламываются рога!

—А рога-то у него не простые—серебряные! И кто найдёт их, тот станет самым счастливым человеком.

—Дедуся, а где упадут эти рога?

—Где угодно: может, в горах, может, и в лесу.

—А в нашем лесу могут упасть?

—Да, могут и в наших лесах.

Ньюку вскочил оживлённый.

—А могу ли найти эти серебряные рога я?!

—Поищи хорошенько—и найдёшь. Для этого настойчивым, выносливым и смекалистым надобно быть.

Вскоре дети улеглись спать.

*) Комолый—безрогий.

Спит Ньюку и видит сон. Крылья у него выросли, и он в таёжные горы полетел. Холод щиплет его за нос и уши. Пурга залепляет ему глаза мокрым снегом. А Ньюку всё нипочём. Он ищет серебряные рога быка-чудовища-моро-зища. Летит он, летит над грядою скал, и вдруг внизу засверкал клад — множество серебряных рогов. Ньюку опустил и хотел было поднять один рог, но за одним потянулись и другие рога. Ему стало тяжело, не под силу, и он увяз в сугробе. И тут он... просыпается.

Наутро Ньюку рассказал дедушке о своём чудесном сне.

—И правда,—говорит дедушка,—в наших краях таких серебряных рогов уйма—целые клады. Но не всяк их находит. На то нужен особо зоркий глаз—такой, как у учёных. И ты, внучок, учись прилежно, учёным человеком стань, тогда и найдёшь наяву серебряные рога...

Д. Р. У. Ж. Н. О. И.

ХУДОЖНИК

Д. БРЮХАНОВ

13 коп.

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
СЕРЕБРЯНЫЕ РОГА (якутские народные сказки)

Перевод Д. Сивцева-Омоллона, обработка Л. Габышева

Редактор И. Мазнин. Художественный редактор Г. Болашенко. Технический редактор Т. Щептева. Корректор Н. Пьянкова.
Подписано к печати 11/IV 66 г. Бумага офсетная № 1 ф-т 60x108/8 Печ. л. 2,5 Уч.-изд. л. 1,87 Условно-печ. л. 3 Тираж 300000
(В переплете 50 000) Изд. № 445 Зак. 110 Цена 13 коп., в переплете 28 коп.

Издательство „Малыш“ Комитета по печати при Совете Министров РСФСР Москва, А-55, Бутырский вал, 68.

Отпечатано на фабрике офсетной печати № 1, Осташковская ул., д. 4